

УДК 321.6+141

Михаил Алексеевич Мальшев
профессор-исследователь гуманитарного факультета
Автономного университета штата Мехико,
координатор научного журнала *Ciencia ergo sum*
г. Толука, mijailmalychev@yahoo.com.mx

КОНЦЕПЦИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ХАННЫ АРЕНДТ

Анализ творчества Ханны Арендт показывает, что гитлеровский и сталинский режимы, несмотря на все их различия, исходили из общих метафизических оснований: рассматривали законы *Природы* и *Истории* как высшие сакральные «божества», санкционирующие реализацию политических целей тоталитарных движений. В статье исследуется процесс ассимиляции и трансформации тоталитарными идеологиями предшествующих структур, террор как метод преобразования социальных структур в однородное движение народных масс, управляемое вождями, и банальность зла в осуществлении политики геноцида.

Тоталитаризм, сакрализация Природы и Истории, террор, народные массы, социальный атомизм, идеология, банальность зла.

«И вы не думайте, что мертвые не слышат, когда о них живые говорят».
(Н. Майров)

Изучение тоталитаризма как общественно-исторического феномена началось с возникновением фашизма в Италии после переворота, совершенного Муссолини, а несколько позже, объектом этого исследования стали сталинский и гитлеровский режимы. Если, как утверждает итальянская исследовательница идеологий тоталитаризма Симона Форти, конечной целью всякого тоталитарного движения является преобразование общественной реальности, то на практике эта цель осуществляется двояким образом: во-первых, путем превращения человека в лагерную пыль (или низведения его до уровня заключенного-доходяги); во-вторых, в попытке создания «новой личности» посредством исторической трансформации «зоологических» общественных отношений в «подлинно человеческие» путем искусственной селекции высшей расы.

То есть тоталитарные режимы – это не только чудовищное злоупотребление властью, но и предвкушение надежды на создание необходимых условий для будущего. Именно эта высшая цель «оправдывает» и «узаконивает» репрессии против разных категорий населения, которые, по мнению идеологов этой власти, чинят препятствия или воздвигают заслоны на пути успешного осуществления идеи светлого будущего. Тотальная биополитика показала нам, как пишет Форти, насколько далеко может зайти политический аппарат, который во имя безопасности и заботы об общественном здоровье, непосредственно апеллируя к «продуктивности» жизни, сумел с необыкновенной изощренностью и упорством, достойным лучшего применения, проникнуть в сферу существования всех людей и дойти до каждого человека в отдельности¹ [12, р. 16].

Термин «тоталитаризм», изобретенный, кстати сказать, его убежденными сторонниками и немедленно подхваченный его демократическими противниками, приложившими немало усилий для развенчания его антигуманистической сущности, превратился в объект ожесточенного идеологического противоборства. Понятие, выведенное из фронтального сопоставления нацизма и коммунизма, режимов во многом различных и даже противоположных по своей сущности, ввело в заблуждение немало мыслящих голов как на капиталистическом Западе, так и в странах бывшего социалистического лагеря. Оно волей или неволей способствовало размыванию казавшихся ранее незыблемыми концептуальных границ между «революционерами» и «консерваторами», «левыми» и «правыми». Все это дает многим политологам основание утверждать, что в современном политическом лексиконе нет другого более противоречивого понятия, чем понятие тоталитаризма. И тем не менее несмотря на все семантические неувязки, связанные с его конкретным употреблением, без этого логического конструкта было бы гораздо труднее обойтись, ибо он служит важным интерпретативным инструментом, позволяющим объяснить многие печально-трагические события истории XX в. Крушение реального социализма в СССР и

¹ На вездесущность тоталитарного потенциала указывает и Жан-Франсуа Лиотар. По его мнению, тоталитаризм, как и Протей, скрыт в любом духовном или политическом проекте, в которых абстрактный субъект вытесняет конкретных индивидуумов, пытается нейтрализовать или сделать несущественными или несуществующими любые индивидуальные различия или, в лучшем случае, сводит их только к классовым различиям. Тоталитаризм – это претензия на универсальное единство, осуществляемое за счет аннигиляции сингулярности единичного. Поэтому противостоять тоталитаризму – значит спасти реальный факт собственной единичности и единственности, ибо тоталитаризм лишает единичность всякого значения, растворяя ее в универсальности законов Природы или Истории [13, р. 150].

странах Восточной Европы, снизило эмоциональный накал данного концепта и позволило философам, политологам и историкам начать спокойную работу по инвентаризации различных семантических спектров его значения в реальных исторических контекстах. Тем не менее дискуссии по поводу смысловых границ и эвристических функций понятия «тоталитаризм» продолжают и поныне. Так, например, сегодня мало кто сомневается в правомерности употреблении прилагательного «тоталитарный» по отношению к сталинскому режиму. Но существуют обоснованные сомнения в адекватности применения этого же термина по отношению к родившейся в горниле Октябрьского переворота революционной диктатуре Ленина, активно внедрявшего (по крайней мере в последние годы своей жизни) в разрушенное хозяйство Советской России Новую экономическую политику, несомненно чуждую уравнилельно-казарменному мировоззрению Сталина, который начал возведение фундамента своего тоталитарного режима с демонтажа основополагающих принципов политики и экономики, заложенных Лениным.

Метафизика тоталитарных режимов

Одной из наиболее фундаментальных работ, посвященных анализу тоталитаризма, несомненно, является книга Ханны Арендт, положившая начало экзегетике и герменевтическому анализу данного феномена на протяжении уже почти шестидесяти лет, прошедших после ее публикации. Американская исследовательница немецкого происхождения начала свое исследование (отмечанное, по ее собственному признанию, духом «неукротимого оптимизма и безысходного отчаяния») весной 1945 г. и завершила его осенью 1949 г. Первое издание «Происхождения тоталитаризма» на английском языке вышло в свет в Нью-Йорке в 1951 г. Второе издание, значительно переработанное и дополненное заключительной главой, посвященной идеологии и террору, было опубликовано в 1958 г., а третье прижизненное издание с новым прологом, синтетизирующим три главных раздела этой монументальной книги, вышло в свет в 1966 г.

Другая значительная работа Ханны Арендт «Эйхманн в Иерусалиме» – прямое продолжение проблем тоталитаризма – посвящена истории Холокоста и анализу сознания «скромного службиста», а «по совместительству» и зловещего палача еврейского народа, впервые вышла в свет в 1963 г. Сегодня мы гораздо лучше осведомлены о многих исторических фактах, которые рассматривает и анализирует Ханна Арендт в своих работах, и тем не менее остроту и глубину поставленных ею проблем, как верно заметил Ричард Бернштейн, никто не сумел

еще превзойти. Работы американской мыслительницы и поныне продолжают сохранять всю свою значимость, потому что они заставляют нас мыслить от собственного имени – единственного способа, ведущего к формированию независимого мышления» [10, р. 63] и служащего надежным противовесом от поползновений к оправданию «тоталитарного синдрома».

Проблемы, которые Ханна Арендт ставит в своей работе, посвященной истокам тоталитаризма, направлены на поиски того смысла, который, по ее мнению, не может быть выведен лишь на путях простой реконструкции фактов истории. Что случилось с Европой XX века? Почему произошел и как стал возможен этот зловещий феномен, именуемый тоталитаризмом, который по своей жестокости превосходит все фантазии ужасов, и которые вряд ли мог бы присниться в самом невероятном и кошмарном сне? С помощью каких категорий можно адекватно осмыслить и теоретически объяснить его природу? Пытаясь дать ответы на эти и многие другие вопросы, Ханна Арендт стремится, с одной стороны, насколько это возможно избежать абстрактного подхода, а другой, не поддаваться искушению растворить целостность исследуемого образования в массе гетерогенных и разрозненных фактов, которые, затемняя его специфику, чреваты искажением подлинного смысла.

Опираясь на широкую источниковедческую базу документальных свидетельств жертв тоталитаризма¹ и на теоретические исследования, осуществленные в предвоенные и послевоенные годы, автор решительно утверждает, что только режимы Сталина и Гитлера могут служить конкретной исторической базой изучения тоталитаризма как своеобразного идеального типа в том смысле, в каком данный термин употреблял Макс Вебер². Ханна Арендт приглашает своих читателей сосредоточиться на структурных сходствах обоих режимов, которые она считает более важными, нежели их специфические отличия. При этом

¹ Что касается фактологической базы сталинского тоталитаризма, то Ханна Арендт неоднократно жаловалась на скудость, субъективность и фрагментарность доступных ей источников, которые в основном были представлены работами бывших советских граждан, в 30–40-е гг. бежавшими на Запад. Многие дополнительные сведения о политике сталинизма она почерпнула из доклада Н. С. Хрущева на XX съезде Коммунистической партии, который несмотря на все критические оговорки она широко использовала во время работы над вторым изданием своей книги.

² Прав Александр Эткинд, который утверждает, что «если игнорировать различие между идеальным типом и эмпирическим описанием, не выдержит критики ни одна из политических теорий от Гоббса до Хабермаса... На свете нет абсолютно черных тел, но идея черного цвета остается полезной. Утопии не бывают вполне реализованы; антиутопии не бывают объективными. Это не отменяет значение тех и других» [4, с. 169].

она полагает, что сущность нацизма и сталинизма нельзя объяснить опираясь лишь на традиционные категории политики, права, этики и философии, потому что природа тоталитарных режимов не может быть интерпретирована только как простое проявление жажды власти, беззакония, имморализма или нигилизма ее правителей, а поэтому требует для своего изучения выдвижения «новаторских» идей.

Ханна Арндт творчески развивает подход, заложенный еще в начале 40-х гг. немецкими юристами-эмигрантами Эрнстом Френкелем и Францем Нейманом, согласно которому тоталитаризм знаменует собой полный разрыв между легальными и нелегальными формами правительства, между легитимной и незаконной властью, что, однако, не мешает этому режиму черпать «материал» для конструирования собственной идеологии и методов управления государством из реликтов предшествующих идей, институтов и форм власти. Иными словами, отдавая отчет в том, что «тоталитаризм не упал с неба», а возник в общественной жизни соответствующих стран из нетоталитарного прошлого, Ханна Арндт тем не менее не приемлет упрощенной каузальной модели объяснения и настаивает на разрыве преемственности этих режимов с предшествующей историей, ибо только в рамках *зрелых тоталитарных образований* происходит окончательная *кристаллизация* тех явлений, чье значение еще не вполне выявилось в предыдущий период.

Хотя Ханна Арндт и не ссылается на знаменитую фразу Маркса о том, что «анатомия человека – ключ к объяснению анатомии обезьяны», по сути дела она исходит из примата логического подхода над историческим, ибо только тоталитаризм как сложившийся зрелый организм может дать путеводную нить к поиску его элементов в толще прошлых событий. При этом наш автор понимает *истоки* не только и не столько как *причины*, сколько как исторические *элементы*, которые, трансформируясь под влиянием последующих во времени образований, порождают тоталитаризм как определенную общественно-историческую структуру. Иными словами, *истоки* или *происхождение*, с позиции Арндт, нельзя понимать ни как неизбежные причины, ни даже как *ростки*, неминуемо долженствующие превратиться в зрелый организм. А это значит, что тоталитаризм – это не фатум, прихода которого нельзя было бы своевременно избежать или предотвратить. Ханна Арндт полагает: чем дальше исследователь отходит от эпохи, предшествовавшей установлению тоталитаризма, тем яснее он видит, что приход сталинского казарменного социализма и гитлеровского Третьего Рейха можно было бы предотвратить. А это значит, что тот, кто боролся против этих режимов уже в те годы, отнюдь не был авантюристом: его

убеждения и его действия соответствовали реальным возможностям, существовавшим в контексте той эпохи.

В своей лекции о природе тоталитаризма, прочитанной в 1954 г., американская исследовательница замечает, что сами по себе элементы, вероятно, никогда не являются причинами. Они превращаются в истоки событий, когда кристаллизуются в определенные фиксированные формы. Тогда и только тогда мы можем ретроспективно проследить их историю до самых корней. Событие проливает свет на свое собственное прошлое, но само это событие никогда не может быть из него логически выведено [13, р. 371]. Отсюда следует, что из знания прошлого, каким бы достоверным оно ни было, нельзя логически вывести будущее. Например, военный разгром нацизма разрушил целостную систему сцепленных между собой элементов. Некоторые из них еще продолжают влачить свое существование в виде изолированных проявлений неофашизма, но это отнюдь не означает, что в будущем осколки старой системы не могут быть втянуты в какую-то новую и неожиданную конфигурацию совершенно иной общественной кристаллизации.

С точки зрения Ханны Арендт, истинное значение всякого события всегда превосходит любое число прошлых причин, которые мы могли ему приписать. Написано уже немало увесистых томов, отмечает она, по поводу происхождения двух последних войн, в которых каждая теория дает собственное объяснение необходимости их возникновения и настаивает на своих особых причинах, тогда как гораздо правдоподобнее было бы считать, что, возможно, именно совпадение разных причин, приведенных в движение какими-то дополнительными событиями, и стали истоками двух мировых пожаров [7, р. 371]. Критика упрощенно-каузальных схем объяснения исторического процесса приводит автора «Происхождения тоталитаризма» к отрицанию однозначной линейной преемственности между прошлым и будущим, преемственности, которая накладывает на нас обязательство рассматривать случившееся так, как если бы оно неизбежно должно было произойти. Именно такая односторонняя интерпретация истории приводит к фатализму, служит главным инструментом сокрытия реальных возможностей предотвращения прихода того, что казалось бы неминуемо должно было произойти.

Как известно, работа Ханны Арендт состоит из трех больших разделов (антисемитизм, империализм и тоталитаризм), в которых исследуется возникновение новых форм всеобъемлющего господства государства над своими гражданами. Но только после первой мировой войны тоталитаризм начинает кристаллизоваться вокруг себя два уже вполне выявившихся элемента: современный антисемитизм, возникший в ре-

зультате политической эмансипации евреев, и современный империализм, развившийся на базе европейской колониальной экспансии и достигший своей кульминации в последней трети XIX в. В задачи настоящей статьи не входит анализ антисемитизма и империализма. Следует только отметить, что с точки зрения Ханны Арентд, ни антисемитизм, ни империализм сами по себе не являются определяющими детерминантами возникновения фашизма. Только в рамках расистской идеологии нацистского режима антисемитизм превращается в массовое истребление евреев, а империализм трансформируется в реванш за поражение в первой мировой войне и ведет к возникновению новой еще более кровопролитной мировой бойни.

Итак, средства всепроникающего господства, присущие тоталитаризму, радикально отличают его от всех прочих форм политической власти, свойственных деспотизму, тирании и диктатуре. Тоталитаризм, пришедший к власти, по мнению нашего автора, создает совершенно новые политические институты и одновременно разрушает все старые легальные общественные формы и традиции страны. Какими бы специфическими ни были национальные особенности и духовные источники идеологии, тоталитарная форма господства всегда трансформирует классы в массы, преобразует плюрализм политической системы в гегемонию одной партии, возглавляющей движение широких народных масс, превращает осуществление легально узаконенных властных полномочий в произвол и террор секретной полиции, а во внешней политике ориентируется в той или иной форме на достижение мирового господства.

С точки зрения Ханны Арентд, тоталитаризм является беспрецедентным политико-правовым феноменом, характеризующимся аморализмом и правовым нигилизмом по отношению к действующим позитивным юридическим законам. Кульминация сталинских политических репрессий и массовых актов проявления беззакония, как это ни парадоксально, пришлось на период разработки и принятие советской конституции, открыто запрещающей подобного рода действия. Таким же пренебрежительно-циничным было и отношение нацистов к конституции Веймарской республики, которую они даже не удосужились изменить или хотя бы формально аннулировать. Такое беспрецедентное попрание позитивных правовых норм, подчеркивает американская исследовательница, отнюдь не означает, что тоталитарное движение является выражением полного произвола и осуществляет свои действия вне каких-либо нормативных рамок, не ориентируясь ни на какие идеалы и ценности. Абсолютную сакральную санкцию своего движения, тоталитаризм усматривает в одном случае в законах *Природы*, а в дру-

гом – в законах *Истории*, которые, по мнению их идеологов, призваны заменить собой все позитивные моральные нормы, юридическое законодательство и сложившиеся обычаи.

Согласно такому подходу, и юридические законы, и моральный кодекс дототалитарных режимов маскировали, искажали или игнорировали *высший источник* оправдания человеческих действий, и поэтому «революционный вызов» «мнимому» и «лицемерному» буржуазному или антирасистскому легализму является средством установления высшей справедливости, которую предшествующие режимы, базировавшие свою легитимность на законах конституции, оказались бессильными претворить в жизнь. Бросая вызов предшествующей легитимности и претендуя на прямое учреждение царства справедливости на Земле, тоталитарные режимы, «руководствуясь» законами *Истории* или законами *Природы*, не переводят их в правовые и моральные нормы элементарной справедливости, регулирующие индивидуальное поведение граждан. Идеологии тоталитарных режимов, апеллируя к закону Человечества, нимало не заботятся о гарантиях соблюдения элементарных прав конкретных граждан. Они исходят из метафизической (в сущности неverifiedицируемой) предпосылки о том, что законы Природы или законы Истории, если они исполняются надлежащим образом, то неизбежно «произведут» Человечество как идеальный продукт. Это «метафизическо-утопическое основание» поощряет тоталитарные правительства требовать для осуществления своих «глобальных экспериментов» неограниченной внешней экспансии в пределе установления всеобщего господства над всей территорией Земного Шара. Тоталитарная политика пытается преобразовать человечество как вид в безупречного и ревностного исполнителя Закона, ибо в противном случае, утверждают их идеологи, оно будет подчиняться ему пассивно и неохотно, что чревато застоєм, медленным или зигзагообразным продвижением вперед.

Если верно, отмечает Ханна Арендт, что связь между тоталитарными странами и цивилизованным миром была разрушена чудовищными преступлениями тоталитарных режимов, то не менее верно и то, что эта преступность обязана не просто агрессивности, жестокости, войне или предательству, но и сознательному разрыву того *consensus iuris*, который, согласно Цицерону, образует «народ» и который как международный закон конституировал в Новое время цивилизованный мир в той мере, в какой он является краеугольным камнем международных отношений. Как моральное осуждение, так и правовое наказание предполагают базовое соглашение: преступник может быть судим уже потому, что он участвует в *consensus iuris*. И даже закон, ниспос-

ланный Богом, может быть признан людьми лишь при условии, если они как-то его понимают и признают его юрисдикцию» [5, р. 561-562].

С точки зрения Ханны Арендт, пренебрежительное отношение тоталитарных режимов к *юридическому консенсусу* порождает произвол, беззаконие и страх, ибо, навязывая свою волю в обход соблюдения позитивных законов, их идеологи и вожди обещают установить справедливость на земле, но не на основе конституции, предполагающей *consensus iuris*, а на основе законов *Природы* и *Истории*, которые они превращают в высший сакральный идеал. В тоталитарных режимах сам термин «закон» изменяет свой смысл: он уже не регулирует то, *что* и *как* существует в реальной действительности, а скорее направлен на реализацию того, *чего еще нет* и что только *должно возникнуть* в результате «титанической воли» участников тоталитарного движения, строящих «светлое будущее» не спонтанно и не хаотично, а планомерно и сознательно, опираясь на незыблемые законы *Природы* или *Истории* под водительством партий и ее вождей, путем мобилизаций масс, подстегиваемых террором. Если легальность, как пишет Ханна Арендт, является сущностью антитоталитарного правительства, а нелегальность присуща тираническому режиму, то террор – это способ осуществления тоталитарного господства [5, р. 564].

Террор и угроза его применения – главные средства осуществления законов тоталитарного движения, а его высшее назначение – максимальное содействие силам *Природы* или *Истории* свободно, с наибольшей эффективностью воплощаться в *Человечестве*. А если на этом пути возникают какие-либо препятствия, то никакие ссылки на объективные причины или субъективные факторы не должны служить предлогом для быстрой и эффективной расчистки завалов, ведущих к полному торжеству этих законов, осуществляющихся железной волей класса-гегемона или высшей расы. Истолкование тоталитарного движения как выражения неодолимой поступи истории превращает понятия вины и невинности в простые фикции: виновный – это просто-напросто тот, кто осмелился встать на пути природного и исторического процесса, который уже вынес свой неумолимый приговор «низшим расам», «неприспособленным к жизни индивидуумам», «умирающим классам» или «обреченным на гибель народам». Террор приводит в исполнение этот приговор, и перед его судом все подозреваемые – субъективно невиновны: убиваемые невиновны, потому что они ничего не сделали против системы, а их убийцы – невиновны, ибо они всего лишь простые исполнители смертного приговора, вынесенного высшим трибуналом. Даже сами руководители движений и представители власти не осмеливаются утверждать, что они – гении мудрости или свето-

чи справедливости. Все, на чем они настаивают, – это направление движения по руслу внутренне присущего ему закона. Террор является «оправданным», если закон есть движение некой сверхестественной силы – Природы или Истории [5, р. 564]. При этом между идейными вдохновителями умерщвления «низших рас» или «умирающих классов» и их физическими исполнителями существует своеобразное «разделение труда», весьма удобное для смягчения возможных угрызений совести. Идейный вдохновитель обычно пытается «смягчить» свою вину тем, что он не есть исполнитель. Палач «оправдывает» свое «деяние» тем, что он не есть вдохновитель. Первый полагает, что его руки «чисты», а второй убеждает себя в том, что его совесть «спокойна». Каждый пытается обезопасить себя и приписать ответственность другому, сняв с себя вину за совершенные им преступления, как это, кстати сказать, наглядно продемонстрировало поведение многих нацистских преступников на Нюрнбергском суде.

Террор как приведение в исполнение закона тоталитарного движения, чья высшая цель – не благополучие конкретных людей и не интерес отдельно взятого человека, а «выделка» и совершенствование всего человечества, осуществляет выбраковку нездоровых особей ради торжества вида как тотальной целостности, жертвует отдельными его представителями во имя чистоты или здоровья всего общественного организма. Могущественные силы *Природы* или *Истории* имеют собственные движущие силы и собственные цели, а следовательно каждое новое рождение человека может оказаться потенциальным препятствием на пути осуществления этих мистических высших сил. Как полагает Арендт, с тоталитарной точки зрения, тот факт, что все люди рождаются и умирают может расцениваться только как досадное препятствие действию высших сил. Поэтому террор как слуга исторических или природных движений должен, с точки зрения идеологов тоталитаризма, элиминировать из этого процесса не только свободу в любом ее специфическом обличье, но и сам источник свободы, коренящийся в факте рождения человека, в его способности осуществлять что-то новое. В железных объятиях террора, разрушающего плюрализм индивидуумов и превращающего их в тотальное единство, как если бы эта целостность стала органической частью *Истории* или *Природы*, был найден универсальный механизм освобождения исторических и природных сил от всевозможного рода препятствий. Согласно тоталитарной логике, именно террор выполняет функцию главного «катализатора» совершенствования *Природы* и поступательного развития *Истории* на пути к светлому будущему; именно террор уничтожает «неприспособленные» человеческие особи и применяет методы «массовой эвтана-

зии» по отношению к «умирающим классам», гигантски ускоряя исторический процесс, который в противном случае, не будь этого «катализатора», осуществлялся бы со скоростью черепахи.

Поскольку, заключает Ханна Арендт, цель тоталитарных движений состоит в подталкивании *Природы* или *Истории* для ускорения их движения по направлению к уже предначертанному будущему, то из этого следует, что населению тоталитарных стран заранее предназначена роль исполнителей или жертв этого движения. Ирония судьбы может повернуть события и так, что тот, кто сегодня истребляет неполноценные расы, агонизирующие классы или гнивающие народы, завтра сам может оказаться в роли жертвы. Тоталитарная власть постоянно нуждается в том, чтобы подданные ее режимов находились в состоянии постоянной готовности как к роли исполнителей ее воли, так и к роли ее жертв. Такую двойного рода подготовку, с точки зрения Арендт, и призвана осуществить тоталитарная идеология.

Идеология тоталитаризма

С точки зрения автора «Происхождения тоталитаризма», скрытые политические потенции идеологии по-настоящему выявляются только в рамках тоталитарных режимов. Идеология (на что указывает сама ее семантика) – есть логика развертывания идеи. Предметом идеологии является История, к которой и применяется идея. Но результатом этого применения является не совокупность утверждений относительно того, что *есть*, а развертывание процесса, который находится в постоянном изменении и развитии. Идеология, по утверждению Арендт, объясняет курс событий, как если бы эти события подчинялись тому же самому «закону», что и логическая развертка этих «идей». Благодаря логике, внутренне присущей этим идеям, идеологии претендуют на знание тайн всего исторического процесса: секретов прошлого, сложностей настоящего и неопределенностей будущего [5, р. 569]. Предполагается, что движение истории и логический процесс данного понятия соответствуют друг другу, а следовательно все происходит несмотря ни на какие видимые отклонения и зигзаги согласно логике идеи. А поскольку единственно возможное движение в сфере логики осуществляется путем дедукции, то именно дедукция и развертывает все утверждения из постулируемых посылок.

Идеологическое мышление, как правило, склонно игнорировать опыт, ибо оно исходит из того, что за действительностью, открываемой человеку пятью органами чувств, скрывается другая, «истинная реальность», которая для своего распознавания требует *шестого органа*, и та-

ким *чувствилищем* как раз и является идеология. Этот *шестой орган* возникает благодаря процессу индоктринации, суть которого – в отрыве мышления от опыта, а также в попытке инкорпорировать в описание или объяснение событий, какими бы простыми и очевидными сами по себе они ни были, «презумпцию» подозрительности относительно секретных мотивов которые, якобы, за ними скрываются. Именно это свойство идеологизированного мышления тоталитарные режимы превращают в практику насаждения скрытых намерений и политических заговоров всевозможных врагов.

Поскольку идеология сама по себе не способна преобразовать реальность, она пытается оторвать мысль от опыта с помощью определенных методов демонстрации. Идеологизированное мышление группирует и упорядочивает факты, подчиняя их логическому процессу, и исходя из принятой за аксиому посылки приходит к заранее предсказанному выводу. Данный тип мышления склонен придавать излагаемым событиям и фактам гораздо большую последовательность и логичность, нежели та, которая в действительности наблюдаются. Дар «холодного рассудка» Гитлера и «беспощадная диалектика ума» Сталина вполне вписываются в приведенную выше схему. Согласно такой логике, всех противников «великого советского вождя» без каких-либо доказательств, записывают в ряды старонников «умирающих классов», а все презираемые «великим фюрером» народы – в разряд «низших и неполноценных рас». За этим «логично» следует само собой напрашивающийся вывод о том, что необходимо «помочь» *Истории* или *Природе* освободиться от этой гангрены, «удалить» зловредную опухоль из здорового природного тела или общественного организма. С точки зрения Ханны Арент, отличие тоталитарных идеологий от своих предшественниц, коренится не столько в идее классовой борьбы и эксплуатации трудящихся или в осуществлении расовой селекции и обеспечении процветания германских народов, сколько в самом логическом процессе, осуществляемом тоталитарными режимами. Согласно Сталину, ни идея, ни ораторское искусство, а именно «непреодолимая сила воздействия логики» Ленина накладывает неизгладимый отпечаток на его слушателей и читателей. Сила, рождающаяся, согласно Марксу, при овладении идеи массами, коренится не только в самой идее, но и в том логическом процессе, который, как могучие щупальцы, зажимает человека в тиски убеждений, от которых ему уже невозможно освободиться. Он начинает следовать логике этой идеи и мысленно признается в поражении своих прежних взглядов, которые он отбрасывает, как ложные предрассудки. Самый убедительный аргумент, констатирует Ханна Арент, которым гордился Сталин, заключается в следующем: вы не

можете сказать А, не говоря Б, В и так далее, пока не придете к концу убийственного алфавита. Здесь, кажется, находится источник принудительной силы логики, возникающий из собственного страха человека впасть в противоречие с самим собой. Этот страх достигал такого накала, что в период большевистских репрессий их жертвы сознавались в тех преступлениях, которые они никогда не совершали.

Согласно Арендт, тоталитаризм никогда не ограничивается только внешним воздействием на гражданина через посредство органов государства. Именно благодаря специфической роли идеологии, пропаганды и принуждения тоталитаризм осуществляет свою власть над сознанием и волей народных масс изнутри, поддерживая их в состоянии постоянной мобилизации и непрерывной нацеленности на реализацию все новых и новых задач. Залог успеха тоталитарного движения – это искренность убеждений его адептов, готовых следовать установкам и призывам своих вождей даже тогда, когда это движение начинает «пожирать» своих собственных детей. Будучи обвиненными в отступничестве, исключенными из партии и посаженными в тюрьмы, коммунисты сохраняют непреклонную верность своим убеждениям, изъявляют готовность к сотрудничеству со своими преследователями и даже требуют для себя смертной казни, чтобы таким образом искупить свою вину, несовместимую с высоким статусом коммуниста. Фанатизм убеждений участников тоталитарного движения, особенно на начальных его этапах, делает их совершенно закрытыми любому аргументу разума или свидетельству опыта. Так, например, на судебном процессе по «делу» Бухарина его обвинители, члены ЦК, ставили ему в вину в числе прочих прегрешений то, что он не был в должной мере безжалостным, не обладал твердым «сердцем» и не мог перешагнуть через «пережиток» сочувствия и сострадания к врагам партии, своим бывшим друзьям и единомышленникам¹.

¹ На эту тему в Англии была выпущена весьма документированная книга Арча Гетти и Олега Наумова (J. Arch Getty y Oleg V. Naumov. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the bolsheviks, 1932-1939*. London: Yale University Press, 1999). Комментируя ее содержание, Славой Жижек отмечает, что жестокость Сталина, направленная против естественной «бухаринской» доброты, состояла не в преданности коммунистическому идеалу, который превращал его пособников в чудовищных роботов и заставлял отречься от всякой сострадательности к людям. Напротив, проблема сталинских коммунистов состоит в том, что они увязли в извращенном понимании собственного долга: «я знаю, что все это – тяжелая и даже причиняющая страдание ноша, но что я могу поделать? Это мой долг [16, р. 131]. Подобную же «гуманистическую слабость» по отношению к еврейскому поэту Давиду Иерусалему испытывает протагонист рассказа Хорхе Луиса Борхеса, начальник нацистского концлагеря Отто Дитрих цур Линде, который вынужден был казнить поэта, чтобы искоренить в себе чувство жалости, несо-

Другая характерная черта тоталитарных движений – это культ вождя, фигура которого раздувается его фанатичными сторонниками до размеров божества, и удивительная легкость, с которой это почитание может потом перейти в забвение. Несмотря на титаническую работу по легитимации авторитета власти Сталина, базировавшейся на создании ореола святости вокруг учения и личности Ленина, а затем перенесение его сакральных атрибутов на идеи и личность его приемника, несмотря на невиданный размах пропагандистского аппарата по созданию «гениального образа вождя» и маккиавелистскую тактику закулисной внутривластной борьбы наследники Сталина сравнительно легко развенчали его культ, не прибегая при этом к принижению сакральности облика и учения Ленина. То же произошло и с Гитлером, чья фигура породила невиданный энтузиазм среди многочисленных его поклонников, и чье влияние тем не менее сразу же после разгрома нацистской Германии было преданно почти полному и искреннему забвению, если не принимать во внимание деятельность сравнительно немногочисленных неофашистских объединений.

Социальная атомизация – предпосылка тоталитаризма

Высшая цель тоталитарных движений – это сплочение и организация масс, а не социальных групп и классов, чьи интересы выражаются традиционными политическими партиями. Для подъема нацистского движения в Германии весьма показателен тот факт, считает Арндт, что оно рекрутировало своих сторонников из этой внешне индифферентной массы индивидуумов, от которых отреклись все другие партии, рассматривая их как слишком апатичных или слишком глупых, недостойных серьезного внимания. В результате большинство принятых новых членов составили люди, которые никогда раньше не фигурировали на политической сцене. Это создало возможность апробировать совершенно новые методы политической пропаганды и установить иммунитет к аргументам политических противников; эти движения не только располагались вне какой-либо партийной системы, но и были направлены против них всех. Они даже не утруждали себя необходимостью опровержения аргументов своих противников, а предпочитали методы, базировавшиеся скорее

вместимое, по его убеждению, со званием СС. Я не знаю, говорил он о своих поступках, понял ли Иерусалем, что я уничтожил его, чтобы искоренить свою жалость. В моих глазах он не был человеком, ни даже евреем; он превратился в символ отвратительной зоны моей души. Я агонизировал вместе с ним, я умирал вместе с ним, до известной степени я погиб в нем; поэтому я был беспощаден [11, р. 697].

на смерти, чем на убеждении, на распространении террора, чем на аргументации¹ [5, р. 392-393].

Часто подчеркивается, что тоталитарные движения не столько употребляют, сколько злоупотребляют демократическими свободами с целью их полной ликвидации. Однако, как подчеркивает Арендт, это просто зловещая хитрость руководства движений или детская наивность масс. Основа демократических свобод – равенство всех граждан перед законом. Тем не менее это равенство приобретает смысл и одушевляет действие только там и тогда, где и когда граждане принадлежат к определенным группам, представленными легитимными выразителями своих интересов. Слом классовой системы и унификация различных страт – одно из самых драматических событий на пути тотализации Германии, равно как и слабая социальная стратификация огромной массы крестьянского населения России – одна из предпосылок создания большевиками тоталитарного строя. Именно слабая классовая дифференциация Германии и России привела к тому, что тоталитарные движения приобрели форму нацизма и большевизма, организуя массы во имя совершенствования высшей расы или ради достижения победы класса-гегемона. Устранение классовых различий автоматически влекло за собой и реструктуризацию политических партий и организаций в тотальную массу возмущенных индивидуумов, которые не имели между собой ничего общего кроме презрения к старым предшественникам политических элит. Арендт пишет о том, что размер массы этих людей, неудовлетворенных и проникнутых чувством отчаяния, стремительно возрос в Германии и Австрии после первой мировой войны, когда инфляция и безработица усугубило и без того разрушительные последствия военного поражения; эта масса достигла значительных размеров во всех образовавшихся тогда государствах [5, р. 396].

Итак, социальная атомизация и страх являются предпосылкой политической организации масс в рамках тоталитарных движений. Именно наиболее деклассированные слои населения стали источником фор-

¹ Аналогичную идею, связанную с завоеванием Сталиным неограниченной личной власти, использовавшего ради достижения своих целей низкую образованность рядовых коммунистов, проводит и З.И. Файнбург, который пишет: «Подчеркнутая “антиинтеллигентность” И.В. Сталина, предельная (до вульгарности) простота изложения им своих позиций, жесткий акцент на решение всех идейных проблем ... большинством голосов, импонировала значительной части коммунистов, видевших в И.В. Сталине «своего», такого же, как они ... Раз большинство против каких-то мнений несостоятельность этих мнений предельно ясно и просто доказана. А коли так, значит, эти мнения – ошибка, ересь, они должны быть попросту отброшены, причем лучше всего целиком и вместе со своими носителями» [3, с. 96-97].

мирования политического авантюризма и революционного экстремизма. Биографии многих лидеров большевизма, включая Сталина, доказывают справедливость данного утверждения. Еще более справедлив этот тезис по отношению к первоначальному ядру национал-социалистской партии, составленному почти исключительно из люмпенских элементов: неудачников и авантюристов – представителей так называемой «вооруженной богемы», которую немецкая буржуазия намеревалась использовать в собственных целях. Но на самом деле, утверждает Ханна Арендт, буржуазия была обманута нацистами, как был обманут фракцией Рёма – Шлейхера и Рейхсвер, ошибочно считавший Гитлера собственной марионеткой и рассматривавшего СА (штурмовые отряды, военизированные формирования НСДАП) как средство своей военной пропаганды и обучения, на чье содействие они и рассчитывали при установлении военной диктатуры в ближайшем будущем. Немецкая буржуазия в целом и Рейхсвер, в частности, считали нацистское движение проявлением идеологии люмпенства и частью собственного резерва, но, как пишет Арендт, они не приняли во внимание самостоятельную и стихийную поддержку, которую оказали массы новым руководителям люмпенства с целью создания новых форм организации общества. Люмпенство, как лидер этих масс, уже не являлось агентом буржуазии, и вообще оно не было ничьим агентом кроме самих этих масс [5, р. 399].

Чтобы подтвердить тезис о том, что тоталитарные движения больше зависят от специфического положения атомизированных народных масс, чем от структурных изъянов общества, Ханна Арендт пытается провести сравнение между нацизмом и большевизмом, подчеркивая при этом, что условия протекания их деятельности первоначально были весьма различными. Чтобы преобразовать революционную диктатуру Ленина в настоящее тоталитарное господство, предполагает она, Сталин должен был сначала искусственно создать это атомизированное общество, которое было подготовлено в Германии для нацистов благодаря стечению исторических обстоятельств [5, р. 400].

С точки зрения автора «Происхождения тоталитаризма», для выявления истоков сталинского тоталитаризма важно учесть, что Октябрьская революция победила в стране, в которой централизованная деспотическая бюрократия управляла огромной слабо дифференцированной массой крестьянского населения с уходящими в прошлое феодальными пережитками и нарождающимися городскими слоями буржуазии. Когда Ленин сказал, что ни в какой другой стране мира нельзя было бы так легко взять власть, и потом так трудно ее удерживать, то он, с точки зрения Арендт, имел в виду не столько слабость промышленного класса трудящихся России, сколько нестабильность социально-

политических условий страны, подверженных неожиданным стихийно-непредсказуемым изменениям. Далекий от всякой демагогии и склонный к публичному признанию собственных ошибок, Ленин, по мнению американской исследовательницы, сразу же ухватился за все возможные социальные, национальные и профессиональные дифференциации, образующие общественную структуру страны, и, кажется, был глубоко убежден, что именно на этой стратификации зиждется спасение основных завоеваний революции. Ленин продолжил и легально закрепил стихийно осуществлявшуюся экспроприацию земельных латифундий, создав впервые в истории России крестьянство как класс свободных собственников, наделенных землей, которые, как известно со времен Великой Французской революции, составляли надежную опору всех западных национальных государств. Ленин попытался укрепить права трудящихся города, создав сравнительно благоприятные условия для деятельности независимых профсоюзов. Он был достаточно толерантен по отношению к новому среднему классу, возникшему в результате осуществления Новой экономической политики после завершения гражданской войны. И наконец, Ленин осуществлял национальное строительство, организуя, а иногда и изобретая столько национальностей, столько это было возможно, развивая национальное сознание и чувства исторических и культурных различий, включая самые примитивные народы Советского Союза [5, р. 400].

Все эти меры, осуществленные вождем пролетарской революции за короткий период своего нахождения у власти, свидетельствуют о том, что он гораздо больше опасался отсутствия политических, социальных, экономических и национальных структур, чем развития центробежных тенденций, связанных с возможным ростом национализма и появлением нового слоя буржуазии. Несомненно, утверждает Арендт, Ленин потерпел самое крупное свое поражение, когда в начале гражданской войны высшая государственная власть, которую он первоначально мыслил принадлежащей Советам, окончательно перешла в руки партийной бюрократии; но даже эта эволюция, трагическая для дела революции, не вела с неизбежностью к тоталитаризму [5, р. 400]. Как считает Ханна Арендт, к моменту смерти Ленина возможности для выбора путей развития нетоталитарного социализма продолжали оставаться во многом еще открытыми. Именно Сталину было суждено осуществить переход к тоталитарной власти, которую он начал с установлением абсолютного господства партии над деятельностью Советов всех уровней.

Второй шаг к установлению тоталитарного режима Сталина, согласно нашему автору, был связан с ликвидацией городской и сельской

буржуазии. Искоренение последней, осуществлявшееся посредством раскулачивания и принудительной коллективизации, оказалось для правящей группы сталинского режима наиболее трудным делом. Тот, кто не фигурировал среди многих миллионов мертвых или миллионов трудящихся, депортированных или заключенных в тюрьмы, по словам Арендт, понял, кто здесь командует; понял, что его жизнь, равно как и жизнь его родственников, уже не зависит от воли подобных ему людей, ни даже от воли всех граждан страны, а зависит исключительно от произвола правительства, с которым он остался один на один, без всякой помощи со стороны той группы, к которой он принадлежал [5, р. 402]

Следующей жертвой на пути расчищения и ликвидации классовых различий стал промышленный пролетариат. Будучи самой слабой категорией населения, он и сопротивление оказал наименьшее. Еще во времена гражданской войны все крупные фабрики и заводы были экспропрированы у прежних владельцев и переданы в собственность государства. А так как государство формально считалось выражением пролетарской власти, то владельцем всех промышленных предприятий был объявлен пролетариат как самый передовой класс трудящихся. Стахановское движение, введенное в трудовую практику страны в начале 30-х гг. XX столетия, подорвало классовую солидарность рабочих, внедрив в их ряды безжалостную конкуренцию и создав искусственный привилегированный слой рабочей аристократии¹. Трудовое законодательство, введенное в 1938 г. официально превратило весь рабочий класс России в гигантскую организацию принудительного труда [5, р. 402].

Отмечая цинизм и макиавеллизм Сталина и Гитлера, которые в грош не ставили человеческую жизнь и не брезговали никакими сред-

¹ Говоря о принудительной массификации советского общества, насаждаемой сталинским режимом, Э.Ю. Соловьев связывает политическое принуждение с трудовым энтузиазмом. «Именно в среде «новобранцев индустриализации» рождается идея «беззаветного труда на блага государства», который по строгому счету вообще не оплачивается, а лишь почитается властью. Ее милостивое воздаяние по самой сути своей не эквивалентно, а безмерно и может доставаться уже не самому работнику, а его детям и внукам». Поэтому «счастлив был тот, кто мог вдохновляться идеями уже близкого социализма и коммунизма, исторической значимостью своей стройки, стратегической важностью очередного бригадного броска, штурма или аврала». «Энтузиазм был лишь наиболее подходящим, наиболее политически эффективным способом реализации гораздо глубже лежащей всеобщей усталовки на максимальную трудовую мобилизованность. И если энтузиазма не доставало, немедленно возникала нужда в подстегивании и насилии». «Свидетели сталинских репрессий обычно говорят, что верили органам НКВД, не знали о чинимых ими беззакониях. Хотя «случалось, что догадывались и даже знали! Но полагали что «все позволено» ради социалистического воспитания народа – все, вплоть до измышления преступлений. Ибо нет мобилизованности без кнута и нет порядка без «грозного, политического страха!»» [2, с. 191, 192, 195]

ствами в борьбе за достижение своих бредовых целей, Ханна Арендт одновременно подчеркивает патерналистское отношение вождей тоталитаризма к народным массам, их желание «осчастливить» народ. Эту же идею применительно к патернализму Сталина, искавшего опору своему режиму в деклассированном люмпенстве, в бедном крестьянстве и в «новобранцах индустриализации», весьма четко сформулировал Э.Ю. Соловьев. В одной из своих статей, написанной в 1990-е гг., анализируя «полуфантастическую брошюру» Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», он пытается понять, как Сталин представлял себе картину будущего народного счастья. «Сталин хотел ввести народы России в царство наивысшей стабильности, где не будет никакой “рыночной стихии”, товаров и денег, а будет “прямой продуктообмен”; где отомрут охранительно ненадежные государство и право, а руководимый партией народ сам примет на себя функции полиции и юстиции; где восторжествует принцип “От каждого – по способностям, каждому – по потребностям”, но по потребностям “разумным”, то есть таким, которые могут рецептироваться и назначаться сверху» ... «Этот идеал рассчитан на человека, который страшно боится совращения, исходящего из денег, от товаров, вообще от предметного богатства, а также от анархических искушений, заключенных во всяком неподнадзорном существовании. Скажем больше: это идеал для народа, который просто сам с собой не справляется и поэтому требует, чтобы ему определили все: нравственные правила, вкусы, полезные привычки, нормы труда и нормы потребления. Это и есть народ, которым Сталин тайно вдохновлялся... Только такой, неуверенный в себе скромный и долготерпимый народ он считал достойным сострадания, любви и заботы. На долю же народа “самонадеянного”, не ведающего страха перед независимым хозяйствованием, ни перед товарами, ни перед деньгами, ни даже перед демократическим самоуправлением, – на долю того народа выпадали гнев и мстительность» [2, с. 200, 201].

Как заключает Ханна Арендт, атомизация масс в советском обществе была достигнута за счет применения систематических увольнений, чисток и расправ, которые почти всегда предшествовали ликвидации социальных групп. Чтобы разрушить все возможные типы связей, репрессии проводились таким образом, что они угрожали не только благополучию и безопасности самого обвиняемого, но и всем его знакомым, друзьям и родственникам. Хитроумная система «обвинений по связям», изобретенная Сталиным и его карательными органами, немедленно превращала многих старых друзей обвиняемого в его заклятых врагов. Чтобы спасти собственную шкуру, последние добровольно начинали фабриковать доносы, подтверждающие несуществующие дока-

зательства, направленные против своего бывшего друга. Эти доносы, пишет Ханна Арендт, очевидно, являлись единственным способом доказать, что они заслуживают доверия власть придержащих. Ретроактивно они пытаются показать, что их знакомство или дружба с обвиняемым – лишь предлог с целью слежки и доноса на него как на саботажника, троцкиста, шпиона иностранных разведок или фашиста. Так как заслуга оценивается в качестве функции доноса на самых близких товарищей, то очевидно, что самая элементарная предусмотрительность требует избегать настолько это возможно всех тесных контактов не столько с целью затруднения доступа к собственным секретным мыслям, сколько для элиминации в весьма вероятных случаях грозящего зла из будущего. Всех, у кого может возникнуть не только интерес донести на него, но и настоятельная необходимость нанести ему вред избегать только потому, что их собственным жизням угрожает опасность» [5, р. 404-405]. Благодаря систематическим чисткам и доносам, постоянному перетряхиванию и запугиванию населения Сталину и его подручным удалось создать атомизированное тоталитарное общество, неизвестное дотолде российской истории, которое вряд ли когда-либо могло спонтанно возникнуть в процессе нормального развития событий¹.

Первая мировая война и пропаганда – катализаторы возникновения тоталитарных режимов

Поскольку Ханна Арендт считает тоталитарные режимы продуктом сцепления чрезвычайно специфических исторических событий, она уделяет много внимания описанию тех катастрофических процессов европейской истории, которые вели к деморализации широких слоев населения и к формированию истерически-патологического типа сознания. Именно он в высшей степени устраивал озлобившихся демагогов и политических авантюристов, жаждущих превратить массы в инструмент своего политического воздействия. С точки зрения автора

¹ Эта атомизированность и «невыносимая разобщенность» народных масс сталинского периода, которую официальная пропаганда пыталась искусственно «спаять» маршевым, бравурным энтузиазмом, была чутко схвачена поэзией того времени. Комментируя стихи своего мужа Осипа Мандельштама в контексте собственных ощущений того времени, Надежда Мандельштам отмечает, «Капли, шепки, солдаты или единицы – мы были действительно “разбрызганы и разъяты” и мучительно переживали свою отъединенность, оторванность от себе подобных. Мы вступали только в механические соединения: жильцы коммунальной квартиры, “последний” или “крайний” в очереди, член профсоюза, который существовал для дополнительного надзора и воспитания, единица в штатном расписании» [1, с. 142].

«Происхождения тоталитаризма», зарождение и оформление итальянского фашизма, немецкого нацизма и советского большевизма были во многом связаны с реакциями на эксцессы, порожденные катастрофическими событиями первой мировой войны. Подобно профессиональным русским революционерам, превративших служение Революции в свое призвание и судьбу, будущие вожди тоталитарных режимов Западной Европы прежде чем начать политическую карьеру пережили ряд личных потрясений, которые выбили их из привычной жизненной колеи и заставили безоговорочно связать свой индивидуальный выбор с жизнью широких народных масс, посвятить себя без остатка служению тому движению, в чье русло они хотели направить свой народ и даже все человечество.

Первоначально мировая война и тотальная мобилизация вызвала у многих людей, охваченных угаром шовинизма, пьянящее чувство жертвенности и надежду на служение высоким патриотическим идеалам. Не только Гитлер, но и многие подобные ему неудачники, на коленях вознесли слова благодарности Богу, как только мобилизация распространилась по всей Европе сразу же вслед за объявлением о начале первой мировой войны. Им даже не пришлось упрекать себя за то, что они стали легкой добычей шовинистской пропаганды. Декадентская элита отправлялась на войну с радостной надеждой на то, что все ее знания и вся ее культура будет погребена под «ураганом стали и огня». Как сказал Томас Манн, война была скорее наказанием, чем очищением; «больше войной как целью в себе, чем победой, способной вдохновить поэтов». И задолго до того как один из интеллектуалов, симпатизировавший нацизму, произнес: «когда я слышу слово «культура», то я невольно хватаюсь за револьвер», многие поэты выразили свое отвращение к официальной «помойной культуре» и символически воззвали к варварам, скифам, неграм и индейцам, призывая их превратить ее в прах. Эти вспышки нигилизма, эта глубокая неудовлетворенность лицемерием и гуманистическими фикциями довоенной эпохи нашли свое отражение в творчестве Ницше, Сореля, Рембо, Лоуренса, Марло, Юнгера, Блока и многих других представителей довоенного европейского декаданса. Но в еще большей степени это мироощущение было присуще военному поколению, которое возвращалось с фронта с ощущением неизбежности краха старого мира и надеждой на переоценку всех морально прогнивших либеральных ценностей. Причем солдаты, вкусившие «прелести» окопной жизни, отнюдь не превратились в пацифистов: они не забыли эти четыре кошмарных года, выработав в себе стойкий иммунитет к пропаганде рыцарских чувств чести, доблести и самопожертвования. Они не забыли, что война вместе с по-

стоянным риском гибели несла с собой чувство унижения от бессильного сознания того, что ты – только жалкий винтик в гигантском маховике смерти. Сама война с ее подспудным ощущением смерти как всемогущего уравнителя была лишь прелюдией к трансформации классового общества в социальную организацию масс. Страсть к равенству и справедливости, желание превзойти узкие классовые границы, лишённые перед лицом смерти всякого значения, пришли на смену старым «мягким чувствам» жалости к угнетённым и отверженным. В начале своей политической карьеры Гитлер постоянно спекулировал на этих чувствах «окопного поколения». Своеобразная самоотверженность человека-массы проявилась теперь в желании анонимности, в стремление быть номером и функционировать именно как шестеренка в системы передач, которая стирает ложные идентификации со специфическими типами и предустановленными функциями внутри общества [5, р. 412]. Как это ни парадоксально, но война временно приглушила националистические чувства Европы: желание принадлежать к окопному поколению оказалось более важным, чем быть немцем или французом. Первоначально нацисты базировали свою пропаганду именно на этом неразличимом братстве, на этой «общности совместно выстрадавших судеб», завоевав таким образом симпатии к себе со стороны многих ветеранских организаций Европы после первой мировой войны.

Тем не менее, отмечает Арндт, в этом духовном климате, царившим во всей послевоенной Европе, не был выдвинут ни один новый лозунг, не изобретена ни одна оригинальная идея, которая не появлялась бы раньше. Антигуманистическим, антилиберальным, антииндивидуалистическим и антикультурным инстинктам военного поколения, блестящему и остроумному воспеванию насилия, власти и жестокости артистической богемой предшествовали сложные и помпезные «научные» доказательства империалистической элиты, согласно которым борьба всех против всех – это закон мира, а экспансия – это психологическая потребность, предшествующая политическим средствам, а следовательно, человеку ничего не остается другого как вести себя в соответствии с этими универсальными законами [5, р. 412].

Если люмпенские слои населения и развращённая верхушка буржуазной элиты, очарованные политическими целями тоталитаризма, примкнули к нему по собственной воле, то основной костяк народных масс перешел на его сторону в результате пропаганды. Тоталитарная пропаганда тем настоятельнее нуждается в угрозах применения террора, чем большую потребность она испытывает в навязывании принуждения не только извне, но и изнутри сознания человека. Например, когда Сталин решил «переписать» историю Октябрьской революции,

пропаганда ее новой версии в «Кратком курсе истории ВКП(б)» сопровождалось изъятием всех старых книг и документов и уничтожением как их авторов, так и их читателей. А когда нацисты по приказу Гитлера физически уничтожили или бросили в концентрационные лагеря большую часть польской интеллигенции, они сделали это ради подтверждения своего лживого тезиса о том, что у поляков вообще отсутствует какой-либо интеллект. Если сталинская пропаганда угрожала «неосознательным» гражданам своей страны быть отброшенными на обочину истории, а потом и раздавленными ее могучим железным катком, то нацистская пропаганда запугивала население своей страны пагубными последствиями игнорирования вечных законов человеческой природы и необратимыми последствиями «загрязнения ее высшей расы». Следовательно, чем неукоснительнее люди станут соблюдать законы природы, чем глубже их потребности будут соответствовать глубинным истокам жизни, тем убедительнее будут успехи, которых они смогут достичь. Примерно на таком же дискурсе основывались и рассуждения Сталина: чем строже мы будем соблюдать законы истории и классовой борьбы, тем больше наши действия будут соответствовать логике материалистической диалектики; а чем глубже будет наше понимание законов диалектической логики, тем более впечатляющими и грандиозными станут наши успехи.

Другим излюбленным методом тоталитарной пропаганды, который часто использовали ее лидеры, является самореализующееся пророчество. Пропагандистский эффект такого предсказания, кажущегося безошибочным, заключается в том, что пророк объявляет себя истолкователем и интерпретатором тех неизбежных результатов исторического будущего, к которым история обязательно должна прийти в силу неодолимости ее естественных законов или вследствие неумолимой логики развития классовой борьбы. Так, например, Гитлер, выступая в Рейхстаге в 1939 г., заявил, что он вынужден еще раз прибегнуть к пророчеству: если еврейские финансисты посмеют толкнуть народы Европы в пекло новой мировой войны, то результатом такого решения будет истребление еврейской расы по всей Европе. Точно к такому же пророчеству с заранее предрешенным исходом прибегнул и Сталин в своем печально знаменитом выступлении на пленуме ЦК большевистской партии в 1930 г., когда объявил левых раскольников и правых уклонистов представителями интересов «умирающих классов». Естественно, что вслед за объявленной агонией, «неизбежно» должна последовать и смерть. Как только были истреблены жертвы, «пророчество» превратилось в ретроспективное алиби: случилось то, что уже было предсказано. Подобно тому, как «законы Истории» чреватые неизбежной гибелью

эксплуататорских классов и их идеологических представителей, точно так же, согласно логике немецкого фюрера, «законы Природы» рано или поздно приведут к истреблению всех демократов, евреев и других недочеловеков, «неспособных к полноценной жизни».

С точки зрения Арендт, всякий тоталитарный режим всегда, по крайней мере латентно, чреват претензией на глобальное распространение своих принципов. И хотя в борьбе за утверждение своей единоличной власти Сталин, руководствуясь тактическими соображениями, выдвинул тезис о построении социализма в отдельно взятой стране, в действительности (о чем свидетельствует вся деятельность Коминтерна и гегемонистские устремления внешней политики сталинского правительства) он никогда не отказывался от тезиса Троцкого о так называемой «перманентной революции». Для гитлеровского режима, считает автор «Истоков тоталитаризма», аналогом большевистской концепции «перманентной революции» стало понятие «(расовая) селекция», которая никогда не должна «коснуться в неподвижности» и которая, следовательно, требует непрерывной радикализации норм, по которым производится отбор, то есть истребление неприспособленных [5, p. 480].

Ханна Арендт особо подчеркивает, что стремление к тотальной гегемонии над всем населением земного шара, уничтожение всей нетоталитарной социальной реальности – это неотъемлемая черта, имманентно присущая всем тоталитарным режимам. Если эта цель перестанет выдвигаться хотя бы как перспектива далекого будущего, тоталитарный режим ожидает внутренняя стагнация и угроза потери завоеванных достижений. Тоталитаризм, находящийся у власти, использует весь административно-управленческий ресурс государства с целью осуществления политики, направленной на достижение мирового господства. Для руководства и повышения действенности своих идеалов внутри собственной страны или для насаждения тоталитарных режимов в государствах сателлитах он учреждает секретную полицию в качестве «катализатора» непрерывной трансформации социальной реальности в фикцию, строит концентрационные лагеря как род «специальных лабораторий» по осуществлению тотального унижения физического и морального достоинства человека и превращению его в лагерную пыль. Конечная тенденция, которая одушевляет тоталитарный режим, – это даже не деспотическая власть над человеком, а учреждение такой системы господства, в которой сам человек оказывается излишним. В попытке насильственно втиснуть многообразный человеческий опыт в узкие рамки идеологического видения мира с целью извратить факты и переписать историю тоталитаризм прибегает к самой неприкрытой лжи. Например, ложное утверждение о том, что все евреи – беспас-

портные бродяги, становится истинным, если оно объявляется официальным печатным органом СС Das Schwarze Corps. Аналогичным образом истинное высказывание о том, что Л. Троцкий был главнокомандующим Красной Армии в советских исторических текстах объявляется ложью, а Краткий курс ВКП(б) вообще превращает бывшее в небывшее, а небывшее делает бывшим.

Тоталитаризм и проблема «банализация зла»

Тоталитарные режимы прибегают к принуждению и террору даже тогда, когда они достигают своих основных идеологических целей. И только там, где насилие становится безраздельным, пропаганда делается излишней. Не удивительно, утверждает Ханна Арендт, что вершиной проявления тотального господства государства над человеком становится концентрационный лагерь. В контексте тоталитарного менталитета этот зловещий институт является вполне «разумным» средством борьбы со своими противниками: если заключенные – это «гниды» и «черви», то ничто не может быть более «логичным», чем уничтожение «этих насекомых» в крематориях смертоносным газом. Лагерь не только стремится максимально уравнивать заключенных, стерев всякое проявление их человеческой индивидуальности, но и пытается ограничить их солидарность со своими товарищами по несчастью, заперев их в темницу собственного одиночества. Изоляция есть безысходный тупик, в который втискивают людей тогда, когда разрушается политическая сфера их жизни, где они действуют совместно во имя достижения общих целей. Когда разрушению подвергается самая элементарная форма творчества, критерием которой служит способность человека вносить что-то свое собственное в общественный мир, то изоляция становится просто нестерпимой [5, р. 702]. Если в тоталитарном мире всякая человеческая деятельность превращается в работу, то в условиях лагеря от работы практически ничего не остается, вернее остается лишь простое механическое усилие, направленное на сохранение элементарного биологического существования. Разрушение индивидуальности и личной автономии является последним завершающим шагом на пути установления безраздельного тотального господства – превращения личности человека в простой экземпляр человеческого животного, или хуже того – в «мусульманина», в «доплывающего доходягу», в ходячий труп.

Абсолютная незащищенность человека от тоталитарного произвола есть следствие полного разрыва между наказанием и преступлением, низведения работы до уровня бесполезного и бессмысленного занятия, обрекающего человека на медленное умирание. Эта «чудовищная

машина по административному умерщвлению», функционировала на полную мощность благодаря тому, что ее обслуживали «самоотверженные чиновники», зловещим символом которых стала фигура Адольфа Эйхманна. В мае 1960 г. он был задержан на территории Аргентины агентами секретных служб Израиля, а в апреле 1961 г. над ним начался открытый судебный процесс, на котором по заданию редакции журнала Нью Йоркер присутствовала и Ханна Арендт, выпустившая впоследствии на основе опубликованных судебных репортажей свою знаменитую книгу «Эйхманн в Иерусалиме»¹. Содержание этого произведения во многом дополняет и углубляет идеи, заложенные в «Происхождении тоталитаризма».

Как известно, в этой книге Ханна Арендт категорически утверждает, что нацистская преступность не должна отождествляться с традиционными правонарушениями, а следовательно радикальное зло не должно дедуцироваться из «человечески понятных мотивов». Однако понятие «радикального зла», делающее существование человека излишним, не означает, что из данного понятия можно вывести намерения и мотивы, которые с исчерпывающей полнотой могли бы объяснить природу преступлений тоталитарного режима. В эпилоге книги об Эйхманне Арендт замечает, что этот человек, как и многие ему подобные, является «новым типом преступника», «*hostis humani generis*». Этот преступник совершает свои преступления в таких обстоятельствах, которые делают для него почти невозможным узнать или почувствовать, что он причиняет зло² [6, р. 276]. Американская исследователь-

¹ После публикации своего первого репортажа Ханна Арендт была подвергнута суровому осуждению, оскорблению и остракизму в еврейских сионистских кругах. По словам Ричарда Бернштейна, «ее обвинили в антисиионизме, антисемитизме, объявили «самоуничижающейся еврейкой», злонамеренно искажающей факты; заклеили «бессердечной», «высокомерной» и «безответственной» особой, которая своим девизом *банализация зла* опощляет Холокост и убийство миллионов людей. Даже некоторые близкие друзья отказали ей в своей дружбе. Прошло четыре десятилетия с момента публикации «Эйхманн в Иерусалиме: репортаж о банальности зла», но до сих пор существуют люди, которые не простили ей публикации этой «скандальной» книги. Несмотря на то, что ее размышления были многократно «опровергнуты», тем не менее вопреки длительной истории полемики, породившей так много шума, доклад Арендт продолжает давать богатую пищу для размышления и исследования [9, р. 45-46].

² В письме к Арендт Гершом Шолем, подвергнув критике содержание книги «Эйхманн в Иерусалиме», указывает на непроверенность выведения понятия «банальности зла» из понятия «радикального зла». При этом он ссылается на «Происхождение тоталитаризма», где первое понятие отсутствует. В ответном письме к своему корреспонденту Ханна Арендт замечает, что она уже решила не употреблять термин «радикальное зло», считая, что зло никогда не является «радикальным», оно является только крайним и не обладает ни глубиной, ни демоническими измерениями. Оно может аномально расти и заполнять планету подобно грибку распространяющемуся по поверхности. Эло

ница не хочет сказать, что Эйхманн не отдавал себе отчета в том, что он посылал на смерть миллионы людей: идиотом он не был. Напротив, он был весьма ловок и изобретателен в своей работе: осуществлял депортацию миллионов евреев в отдаленные лагеря смерти, когда железная дорога была основательно перегружена эшелонами военного назначения. Однако это не значит, что Эйхманн был монструозным извращенцем или демонической личностью. Согласно Ханне Арендт, личность Эйхманна не подпадает под категорию кровавого антисемита, патологического садиста или демонического фанатика, и вообще какие-либо глубокие идеологические убеждения были чужды его сознанию. Мотивы, управлявшие его поступками, лежат на поверхности и были даже слишком банальными: все, чего он хотел достичь в своей работе, которую делал не из страха а по совести, – это продвинуться по лестнице профессиональной карьеры, угодить вышестоящему начальству и показать коллегам по службе, что он способен выполнять порученную ему работу так же надежно и эффективно, как и они. Именно этот упор на банальности мотивов действий и поступков одного из главных виновников уничтожения миллионов невинных человеческих жизней подталкивает читателей книги Ханны Арендт «Эйхманн в Иерусалиме» поставить под сомнение глубоко укоренившееся убеждение относительно соответствия между масштабом преступления и степенью чудовищности личности преступника. Какими бы чудовищными ни были результаты действий Эйхманна, сам он не был чудовищем¹, хотя, как отмечает Ханна Арендт, подсудимый страдал определенной неспособностью формулировать самостоятельные суждения. Чем больше его слушали, тем очевиднее становилось, что его неспособность говорить тесно связана с его неспособностью мыслить, то есть мыслить с позиции другой личности. Было невозможно общаться с ним не потому, что он лгал, а потому, что был защищен надежной самозащитой против слов и присутствия других, а значит и против самой реальности [6, р. 79]. В своих последующих попытках разъяснить банальность зла Ханна Арендт вновь возвращается к неспособности Эйхманна

есть «вызов мысли», потому что мысль пытается постичь что-то глубокое, пытается дойти до основания, и когда мысль исследует зло, ее постигает неудача, потому что в глубине она ничего не находит. Это и есть «банальность» [9, р. 321].

¹ Любопытно, что эту же идею на Нюрнбергском судебном процессе развивал и Зейсс-Инкварт, гауляйтер Австрии и Голландии: существует предел количеству людей, которых можно убивать из ненависти или из склонности к убийству, но не существует предела количества убитых, если истребление производится хладнокровно и систематически во имя военного категорического императива. Следовательно, объяснение нацистских преступлений, комментирует эту мысль Цветан Тодоров, следует искать не в личных качествах индивида, а в характеристиках того общества, которое навязывает ему подобного рода категорические императивы [15, р. 133].

мыслить и формулировать собственные суждения. Она была убеждена в том, что эта нерелексивность, неспособность мыслить с позиции другого может причинить гораздо бóльший вред, чем все низкие инстинкты, которые, возможно, присущи человеку. Фактически в этом и заключался урок, который был дан в Иерусалиме [6, р. 418].

Эту же неспособность мыслить, которая влечет за собой неспособность брать на себя ответственность за собственные действия, Ханна Арендт видит не только в прямых исполнителях, но и в вольных или невольных сообщниках СС – лидерах еврейских общин. Среди неизданных текстов исследовательницы тоталитаризма имеется черновик ответов на вопросы одного из журналистов, который интересовался тем, в какой момент эти лидеры могли бы призвать еврейское население к сопротивлению. Она ответила, что никогда не существовал момент, когда лидеры общин могли бы произнести «перестаньте сотрудничать и боритесь». Сопротивление, которое имело место, было редким и означало только одно: мы не хотим такой смерти, мы хотим умереть с честью. Вопрос о сотрудничестве, несомненно, вопрос щепетильный. Безусловно, существовал момент, когда еврейские лидеры могли бы сказать: мы не будем больше сотрудничать и попытаемся исчезнуть. Этот момент мог бы наступить, когда нацисты просили этих лидеров, уже полностью осведомленных о том, что означает депортация, подготовить списки перемещаемых лиц. При этом нацисты указывали им количество и категории лиц, депортируемых в места смерти, но кого отправить, а кому предоставит возможность выжить, решало само еврейское начальство. Иными словами, тот, кто сотрудничал с нацизмом, в определенный момент превращался в хозяев жизни и смерти [10, р. 54].

Вопреки мнению некоторых еврейских лидеров, оправдывавших свой коллаборационизм с нацистами тем, что их сотрудничество было все же предпочтительнее, чем отдача геноцида на откуп СС, Ханна Арендт считает, что было бы намного лучше оставить самим нацистам предприятие по организации убийства, как, например, это сделали некоторые еврейские лидеры, которые предпочли саботаж и даже самоубийство выполнению нацистских приказов¹. Для подтверждения сво-

¹ Отвергнув тезис Ханны Арендт о том, что, если бы не сотрудничество советов еврейских общин, то количество жертв Холокоста было бы значительно меньше, Зигмунт Бауман, тем не менее допускает, что сотрудничество со своими заклятыми врагами и убийцами, имело определенную степень надежды, основанной на рационально понятном намерении – выжить. Нацисты мобилизовали все свои оперативные силы, чтобы противостоять все увеличивающемуся нажиму русских и не могли позволить себе удовлетворять приказ об «Окончательном Решении», опираясь на людей в мундирах. В этом случае они согласились с необходимостью привлечь к работе евреев. Они возло-

его мнения Арендт цитирует Р. Пендорфа, который писал, что без сотрудничества с жертвами было бы почти невозможно, чтобы несколько тысяч лиц, большинство из которых работало в офисах, ликвидировали бы многие сотни тысяч людей [6, р. 174].

Не только сотрудничество с жертвами, но и моральная ответственность так называемых «зрителей», молчаливого большинства немецкого населения, чье снисходительное соучастие было неопределимой предпосылкой осуществления преступного «Окончательного Решения», отягощала трагическую участь узников Освенцима и Дахау. По словам Ханны Арендт, благодаря тому, что все уважаемое общество так или иначе покорилось власти Гитлера, моральные максимы, определяющие общественное поведение, и религиозную заповедь «не убей», управляющие совестью, исчезли [6, р. 428]. Однако ответственность немецкого народа за геноцид тоталитарного режима, с точки зрения американской исследовательницы, не означает экстраполяции вины на всех немцев за уничтожение шести миллионов евреев. Ханна Арендт отвергает концепцию коллективной вины, ибо «на практике там, где все виновны, никто не виновен».

* * *

Работы американской исследовательницы немецкого происхождения, опубликованные в 50–60-е гг., породили горячие дебаты, связанные с консолидацией понятия тоталитаризма и его применения для характеристики различных типов антидемократических режимов. Однако распространение данного термина за рамками определенных концептуальных границ, особенно в политической публицистике и в практике идеологической пропаганды, приводило к тому, что прилагательное «тоталитарный» начали применять не только по отношению к режимам Пиночета, Франко, Мао дзе-дуна или Пол Пота, но также и к феодальным порядкам Японии до реформы Мейдзи, самодержавным

жили на *Judenräte* ответственность за выполнение всех задач по подготовке к уничтожению. Последний должен был представлять детальные списки жителей гетто, предназначенных к депортации. Во-первых, он должен был осуществлять селекцию, затем сопровождать людей к вагонам поезда, а если кто-то сопротивлялся или прятался, еврейская полиция должна была разыскивать упряма и принуждать его к повинности. Нацисты же ограничивались ролью наблюдателей [8, р. 159, 181]. Хотя Бауман признает, что у руководителей еврейских общин было очень мало возможностей для спасения, тем не менее они упорно цеплялись за рациональность своих действий, не понимая, что эта «рациональность» вписана в иррациональность «Окончательного Решения», а стало быть, предположение Ханны Арендт о возможности отказа руководителей еврейских общин от сотрудничества с людьми Эйхманна, если и не привело бы к уменьшению количества жертв Холокоста, то по крайней мере освободило бы их сознание от пособничества злейшему врагу – нацизму.

формам правления дореволюционной России и к некоторым диктаторским режимам в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Даже древние династии египетских фараонов, китайских императоров и государства инков были причислены к разряду тоталитарных. Аналогичным образом философско-политические произведения мыслителей прошлого, и в первую очередь «Государство» Платона, «Левиафан» Гоббса и «Общественный договор» Руссо, стали называться тоталитарными. Подобная семантическая неразборчивость в употреблении данного термина неизбежно вела к обесцениванию его объяснительного смысла. С другой стороны, Раймунд Арон упрекнул Ханну Арендт в излишней метафизичности, эссенциализме и оторванности ее теоретического анализа от реальной практики функционирования новых тоталитарных режимов, пришедших на смену парадигмальным моделям. Эта критика привела к тому, что многие последующие авторы посвятили свои усилия поиску тоталитарной модели, базируясь в основном на эмпирических и количественных критериях, переводя теоретические дефиниции Ханны Арендт в таксономические единицы и типологические структуры. Показательна в этом отношении работа Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия», опубликованная вскоре после издания «Происхождение тоталитаризма» Ханны Арендт. В ней авторы также исследуют историческую специфику и модернизм тоталитарного феномена, но связывают его в основном с современными технологиями и методами управления экономикой.

Согласно американским авторам, можно говорить об «идеальном типе» тоталитарного режима исходя из шести формаобразующих признаков. Первый из них представлен всеобъемлющей идеологией, базирующейся на миллионистских чаяниях народных масс, обещающей создание всех необходимых условий для всестороннего развития человечества и отвергающей какой-либо возможный компромисс с принципами буржуазно-либеральных демократий. Вторым признаком связан с установлением господства единой партии, построенной на основе строгой иерархии и подчиняющейся в своей деятельности диктату парткратической элиты. Третий признак предусматривает осуществление строгой монополии на средства массовых коммуникаций. Четвертый связан с разработкой контроля власти над аппаратом принуждения и террора, который время от времени приводится в действие с целью осуществления «институционального насилия». Пятый признак направлен на использование террора и применение мер психологического воздействия не только по отношению к внешним врагам режима, но и по отношению к собственным гражданам, уличенным в инокомыслии. Шес-

той критерий предусматривает установление централизованного управления экономикой.

Комбинации этих признаков, согласно Фридриху и Бжезинскому, могут создавать различные конфигурации тоталитарных режимов и служить мерилем степени их подверженности «тоталитарному синдрому», чья парадигма была задана немецким нацизмом и сталинским коммунизмом. Набор признаков «тоталитарного синдрома», предложенный Фридрихом и Бжезинским, равно как и типологические конструкции тоталитаризма, разработанные Раймундом Ароном, не всегда и не во всем соответствовали эмпирической действительности и политическим реалиям стран социалистического лагеря, однако они хорошо вписывались в стратегию идеологической борьбы, вольно или невольно, оставляя вне критики авторитарные, деспотические и полутоталитарные режимы капиталистического Запада.

Философско-политический анализ, осуществленный Ханной Арендт, несомненно, является важной вехой на пути признания тоталитаризма в качестве одного из самых зловещих феноменов мировой истории, который тем не менее имеет не только исторические, но и метафизические истоки, уходящие в глубинные недра бытия человека и ставящие под сомнение радикальность предшествующих форм философско-политической рефлексии. Всеобъемлемость и вездесущность проявления жестокости, произвола, фанатизма и бездушного бюрократизма тоталитарной власти превосходит традиционные горизонты философского мышления, а радикальность постановки проблем американской мыслительницей заставляет нас по-новому оценивать и осмысливать многие явления человеческой цивилизации, политики и культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. Кн. 2. М.: Московский рабочий, 1990. 560 с.
2. *Соловьев Э.Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: философский альманах. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
3. *Файнбург З.И.* Не сотвори себе кумира. М.: Политиздат, 1991. 319 с.
4. *Эткинд А.* Из измов в демократию. Фйн Ранд и Ханна Арендт. Знамя, 2000. № 12. С. 160-180.
5. *Arendt Hannah.* Origenes del totalitarismo. Madrid: Santillana, 2007. 618 p.
6. *Arendt Hannah.* Eichmann en Jerusalén. Barcelona: Mondadori, 2004. 440 p.
7. *Arendt Hannah.* La vida del espíritu. Barcelona: Paidós, 2002. 321 p.
8. *Bauman Zygmunt.* Modernidad y Holocausto. Sequitur, Madrid, 1998. 309 p.
9. *Bernstein Richard.* El mal radical. Una indagación filosófica. México; Fineo, 2006. 349 p.
10. *Bernstein Richard.* La responsabilidad, el juicio y el mal. // "Hannah Arendt, el legado de una mirada". Madrid; Sequitur, 2008. 189 p.

11. *Borges Jorge Luis*. Deutsches requiem. "Obras completas". T. 1. Buenos Aires: Emecé, 2007. 758 p.
12. *Forti Simona*. El totalitarismo: trayectoria de una idea límite. Barcelona; Herder, 186 p.
13. *Lyotard Jean-Francois*. Lecturas de infancia. Buenos Aires: Eudeba, 1997. 290 p.
14. *Young-Bruehl*. Hannah Arendt. Una biografía. Barcelona: Paidós, 2006. 287 p.
15. *Todorov Tzvetan*. Frente al límite. México: Siglo veintiuno, 1993. 311 p.
16. *Zizek Slavoy*. Quién dijo totalitarismo? Cinco intervenciones sobre el (mal) uso de una noción. Pre-textos: Valencia, 2002. 299 p.

RESUME

Mikhail Alexeyevich Malyshev, Professor-investigator of the Autonomous University of Mexico state, member of editorial boards of the scientific journals "La Colmena", "Coatepec", "Ciencia ergo sum", Mexico mijailmalyshev@yahoo.com.mx

Concept of Totalitarianism in the Works of Hannan Arendt

The analysis of works of Hannan Arendt shows that hitlerian and stalian regimes, in spite of their differencies, had common metaphysical bases: they considered the laws of Nature and History as highest sacral divinities that authorized the realization of political aims of totalitarian movements. The author investigates the process of assimilation and trasformation by the totalitarian ideologies the previous elements of history, the terror as the method of transformation of the social structures into the homogeneous movement of the masses, directed by their leaders, and the banality of the evil in the implementation of the policy of genocide.

Totalitarianism, sacralization of Nature and History, terror, the masses, social atomism, ideology, banality of evil.

Материал поступил в редколлегию 23.06.2010 г.